

Феномен культурного геноцида: история и современность

Бабаян М. Э.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
m.babayanx@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию концепции «культурного геноцида» в качестве одной из форм проявления геноцида с целью установления содержания культуры в качестве объекта преступления геноцида. Для этого были использованы историко-правовой метод и метод анализа конкретных ситуаций, в частности, практики разрушения культуры народов Османской империи, Шри-Ланки и Тибета для сравнения с возможностью их обозначения в качестве преступления культурного геноцида, выступающего как элемент преступления геноцида или же как отдельное преступление с дифференциальным от физического и биологического геноцида значением. Делается вывод, что культурный геноцид является не новым компонентом преступления геноцида, а составной частью геноцидальной политики, и может представлять собой фазы предгеноцида или постгеноцида или выступать в качестве отдельного преступления, требующего раннего предупреждения и пресечения.

Ключевые слова: преступление геноцид, вандализм, Р. Лемкин, культурный геноцид, Армения, Тибет, Шри-Ланка

Для цитирования: Бабаян М. Э. Феномен культурного геноцида: история и современность // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 99–111.

The Phenomenon of Cultural Genocide: History and Modernity

Mary E. Babayan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; m.babayanx@gmail.com

ABSTRACT

The article is dedicated to the study of the «cultural genocide» concept as one of the forms of the genocide crime in order to establish the content of culture as the object of the genocide crime. For this, the historical legal method and the method of case study were used (in particular the practice of destroying the culture of the peoples of the Ottoman Empire. Sri Lanka and Tibet for comparison with the possibility of designating them as a crime of cultural genocide, acting as an element of the genocide crime, or as a separate crime with a meaning different from physical and biological genocide). It is concluded that cultural genocide is not a new component of the genocide crime, but an integral part of genocidal policy, and may constitute the phases of pregenocide or postgenocide or act as a separate crime requiring early warning and suppression.

Keywords: genocide crime, vandalism, R. Lemkin, cultural genocide, Armenia, Tibet, Sri Lanka

For citing: Babayan M. E. The Phenomenon of Cultural Genocide: History and Modernity // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 99–111.

Геноцидальная политика представляет собой использование комплекса преднамеренно жестоких актов, направленных на ликвидацию определенной человеческой группы, на основе отказа в уважении прав представителей данной группы на достойный жизненный уровень и в конечном счете на жизнь.

Рафаэль Лемкин — отец-основатель термина и концепции геноцида, развивал более широкую, нежели мы имеем теперь в интерпретации Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., концепцию преступления геноцида, которая включала также культурный компонент. Так, в пояснениях к своему докладу для Конференции по унификации уголовного права 1933 г. Лемкин дает развернутое определение актов вандализма как уничтожения произведений искусства и культуры, отмечая, что вклад любого конкретного сообщества в международную культуру входит в сокровищницу всего человечества, сохраняя при этом свои характерные черты. Соответственно, уничтожение произведений искусства и культуры любой нации должно рассматриваться как акт вандализма, направленный против мировой культуры. Такие акты наносят непоправимый ущерб не только владельцу разрушенного произведения и общине, к которой он принадлежит, но и затрагивают культурное достояние всего человечества. Акты вандализма наряду с актами варварства противоречат прогрессу человечества, потрясая его сознание и оставляя опасения за его будущее, — вот почему они должны рассматриваться как преступления по международному праву [9].

Р. Лемкин обращает внимание на важность придания должного значения нападениям на культуру группы как существенного элемента того, что он впоследствии назовет преступлением геноцида. В последующих годах Лемкин становится свидетелем ужасных действий, которые могут характеризоваться как симбиоз актов варварства и вандализма, — разрушений физического, биологического и культурного характера. В результате личного опыта он углубляет свое понимание тесной связи между физическим уничтожением и культурным разрушением, что и использует в дальнейшем при формировании определения понятия геноцида и отстаивании своей позиции в качестве эксперта по разработке Конвенции о геноциде. Лемкин также приходит к выводу, что существует много взаимосвязанных элементов или методов геноцида. Он выявляет восемь методов геноцида: политический, социальный, культурный, религиозный, моральный, экономический, биологический, физический [8].

Относительно характеристик культурного компонента геноцида он отмечает запрет использования родного языка и национальных традиций группы, уничтожение его культурных ценностей — памятников, библиотек, архивов, музеев, художественных галерей, которые контролируются специальными органами государственной политики, такими как Комитет культуры Рейха [7, с. 84–85]. Со временем число представленных им методов геноцида значительно сокращается, и Лемкину приходится отстаивать перед международным сообществом позицию физического и биологического компонентов геноцида наряду с культурным элементом.

Напомним, что в 1944 г. в своей книге «Правление государств “Оси” в оккупированной Европе» Лемкин предложил следующее определение геноцида: «...согласованный план различных действий, направленных на разрушение важнейших основ жизнедеятельности национальных групп, с конечной целью уничтожения самих групп. Задачи такого плана сводятся к дезинтеграции политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии и основ экономического существования национальных групп и к посягательствам на безопасность, свободу, здоровье, достоинство и даже на жизни лиц, принадлежащих к такой группе» [7, с. 79].

В декабре 1946 г. ГА ООН принимает резолюцию, которой призывает принять необходимые законодательные меры для предупреждения и наказания преступления геноцида, одновременно предлагая Экономическому и Социальному совету начать исследования для разработки проекта Конвенции о геноциде. Стоит отметить, что данной резолюцией уже признается важность культурного компонента преступления: «Геноцид — это отрицание права на существование целых человеческих групп, так же как убийство (гомицид) является отрицанием права на жизнь отдельных индивидов; такой отказ в праве на существование потрясает сознание человечества, приводит к огромным потерям для человечества в виде утраты культурных и других вкладов, привнесенных этими человеческими группами...»¹.

Разработка конвенции прошла три основные стадии. На первом этапе Генеральный секретарь поручил подготовку начального проекта конвенции Отделу по правам человека Секретариата, который в своей

¹ The Crime of Genocide // UN General Assembly, A/RES/96, December 11, 1946 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/docid/3b00f09753.html> (дата обращения: 15.03.2020).

работе над проектом консультируется с тремя экспертами — А. Д. де Вабром, В. В. Пеллой и, конечно, Р. Лемкиным.

Примечательно, что с самого начала двое из вышеназванных экспертов были против идеи включения культурного компонента в конвенцию, отмечая, что культурный геноцид излишне расширяет концепцию геноцида, в то же время Лемкин утверждал, что национальная, расовая или религиозная группа не может продолжать свое существование, если не сохраняется ее духовное и моральное единство [11, с. 180]. Позицию Лемкина поддерживали представители таких стран, как Советский Союз, Китай и Венесуэла, противоположной позиции придерживались представители Великобритании, Франции и США. В целом дискуссии вызывал не вопрос о том, что группа должна быть защищена от посягательств на свою культуру, но то, что защиту культуры надо рассмотреть в контексте норм прав человека или меньшинств.

Несмотря на серьезные противоречия, культурные компоненты преступления геноцида нашли свое отражение в двух проектах конвенции — в проекте Секретариата и далее Специального комитета. Позднее Шестой комитет пересмотрел решение Специального комитета о включении культурного геноцида как наказуемого акта преступления геноцида, и единственной формулировкой из характеризующих и осуждающих культурный геноцид, которая была отражена в окончательном варианте конвенции, принятой 9 декабря 1948 г. ГА ООН, стала насильственная передача детей, как представителей культурного наследия, из одной группы в другую. Такое геноцидальное действие рассматривалось как самый жестокий акт, поскольку он нацелен на «разрыв культурной продолжительности группы, когда уничтожается душа, в то время как тело остается живым» [6, с. 166].

Несмотря на уже прояснившуюся ситуацию о том, что культурный геноцид не будет определен в конвенции, Лемкин не оставлял свои попытки доказать, что культурный компонент геноцида несет в себе те превентивные признаки, которые необходимы для эффективной борьбы с данным преступлением. В своем письме, направленном в сентябре 1948 г. председателю Комитета геноцида, Лемкин, ссылаясь на приведенные делегатом Венесуэлы аргументы о том, что культурное разрушение может предшествовать преднамеренному физическому истреблению, приводит примеры «массового разрушения Гитлером синагог в 1938 г. и массового уничтожения армянских христианских церквей, предшествовавших истреблению миллионов армян» [5, с. 166]. Он пишет, что «сжигание книг — это не то же самое, что сжигание тел, но когда кто-то своевременно вмешивается для того, чтобы прекратить массовое уничтожение церквей и книг, он подоспевает как раз вовремя, чтобы предотвратить сжигание тел» [6, с. 166].

Абсолютно верно, что уничтожение культурных ценностей никоим образом нельзя сопоставить с физическим уничтожением людей, однако история показывает, насколько эти два акта взаимосвязаны: культурный компонент сохраняет свою актуальность в качестве свидетельствующего элемента о намерении уничтожить группу. Сегодня, как и в свое время, убеждения Лемкина о том, что уничтожение культуры служит признаком возможного физического истребления, являются основой разрабатываемых учеными программ по предупреждению геноцида. Кроме того, в судебных процессах по наказанию преступников геноцида доказательство того, что обвиняемый был причастен к уничтожению культурных памятников и нематериальных ценностей или к аналогичным действиям, направленным против культуры группы, может помочь трибуналу в выявлении и оценке геноцидального намерения (например, приговор Судебной палаты МТБЮ против Р. Крстича).

Концепция культурного геноцида не имеет четкого и общепринятого определения, она никогда не была принята и кодифицирована на национальном или международном уровнях. Концепция оказалась спорной при определении преступления геноцида в конце 1940-х гг. и остается таковой на сегодняшний день.

К сожалению, приходится говорить также о вооруженных группировках (террористических в большинстве случаев), которые занимаются похищением детей, незаконным оборотом культурных ценностей и организовывают нападения на бесценные объекты всемирного культурного наследия, нанося таким образом ущерб не только человеческим группам, которым принадлежат эти ценности, но и культурному наследию всего человечества. В связи с этим в современной политической динамике все чаще используется термин «культурный геноцид».

Термин «культурный геноцид» чаще использовался в отношении деятельности боевиков террористической организации «Исламское государство» (ИГ, запрещено в России), которые наряду с убийствами осуществляют также систематическое уничтожение культурных объектов, артефактов и археологических памятников¹. Это включает разрушение древнеассирийской столицы Нимруд в поселении Хорсабад в Ираке², уничтожение артефактов, книг и редких рукописей в музее и библиотеке Мосула³, также Храма Баалшамина, Храма Баала, Монументальной арки и других объектов в сирийском городе Пальмира⁴. Подобные разрушения являются предметом многочисленных международных документов, причиняют неисправимый ущерб вековой культуре народов, часть гордости и свидетельств величия которых они составляли.

Кроме того, высказанная на официальном уровне угроза уничтожения культурных объектов в условиях кризиса в межгосударственных отношениях либо в любой другой обстановке вызывает беспокойство мирового сообщества. В частности, во время напряженности между Соединенными Штатами Америки и Исламской Республикой Иран, возникшей в результате убийства в начале января 2020 г. командующего силами специального назначения «Аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции (элитные части ВС Ирана) Касема Сулеймани, президент США Д. Трамп сообщил, что ими выделено определенное число ценнейших памятников иранской культуры, которые подвергнутся атаке, если иранские власти попытаются отомстить за гибель генерала⁵. Некоторые разглядели в таких угрозах намерение осуществить культурный геноцид.

Однако сами вышеприведенные преступления являются действиями сферы военных преступлений, а их мотивы, возможно, близки к некоторым аспектам политцида⁶. Едва ли все случаи культурных разрушений последних годов были напрямую связаны с преступлением геноцида, с характерным ему намерением. Боевики ИГ были обвинены в осуществлении геноцида в отношении езидов в иракском городе Синджар, они не скрывали свое геноцидальное намерение и уничтожали езидов различными способами, оговоренными в Конвенции о геноциде, включая похищение и помещение езидских детей среди боевиков, отрывая их от своих культурных и религиозных ценностей⁷. Однако вряд ли их культурные уничтожения скрывали в себе намерение уничтожить определенную группу, ведь финансовая сторона их деятельности базируется также на продаже культурных артефактов на черном рынке, а уничтожаются, скорее, те, перемещение и продажа которых невозможна. Таким же образом маловероятно, что угрозы Д. Трампа служат признаком возможного геноцида в отношении иранского народа, но не принимать их в учет также не является верным способом поведения. Свидетельством тому служит реакция международных универсальных и специализированных в области охраны культурного наследия организаций. Несомненно, подобные вопросы требуют тщательного изучения для того, чтобы понять, существует ли концепция культурного геноцида в отдельности или она связана с различными историческими событиями и уже устоявшейся концепцией преступления геноцида, имеет ли термин «культурный геноцид» свое собственное значение на сегодняшний день в связи с актуальными проблемами вооруженных

¹ Jessica Mendoza. Why is ISIS Destroying Ancient Artifacts in Iraq? [Электронный ресурс]. Christian Science Monitor, Feb. 26, 2015. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Global-News/2015/0226/Why-is-ISIS-destroying-ancient-artifacts-in-Iraq> (дата обращения: 18.06.2020).

² Have ISIS Destroyed ANOTHER Ancient City? Iraq Investigating Reports Jihadists Have Looted and Blown up Former 700BC Assyrian Capital Near Mosul [Электронный ресурс]. Daily Mail, Mar. 9, 2015. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2986275/Have-ISIS-destroyed-ancient-city-Iraq-investigating-reports-jihadists-looted-blown-former-700BC-Assyrian-capital-near-Mosul.html> (дата обращения: 18.06.2020).

³ ISIS Burns 8000 Rare Books and Manuscripts in Mosul [Электронный ресурс]. The Fiscal Times, Feb. 24, 2015. URL: <http://www.thefiscaltimes.com/2015/02/23/ISIS-Burns-8000-Rare-Books-and-Manuscripts-Mosul> (дата обращения: 18.06.2020).

⁴ Palmyra: Islamic State's demolition in the desert [Электронный ресурс]. BBC, Oct. 5, 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-34294287> (дата обращения: 18.06.2020).

⁵ Threat to Destroy Heritage Sites Akin to 'Cultural Genocide,' Experts Say in Response to Trump's Initial Warning [Электронный ресурс]. ABC News, Jan. 9, 2020. URL: <https://abcnews.go.com/International/threat-destroy-heritage-sites-akin-cultural-genocide-experts/story?id=68144819> (дата обращения: 18.06.2020).

⁶ Политическое массовое убийство — продвижение, подразумеваемое согласие и / или осуществление правящей элитой или ее агентами последовательной политики, нацеленной на уничтожение, частично или полностью, общинной, политической или политизированной этнической группы. См.: Harff B. No lessons learned from the Holocaust? Assessing risks of genocide and political mass murder since 1955 / B. Harff // American Political Science Review. Vol. 97, No 1, 2003. P. 58.

⁷ UN Commission of Inquiry on Syria: ISIS is Committing Genocide against the Yazidis [Электронный ресурс]. OHCHR, June 16, 2016. URL: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/HRC/Pages/NewsDetail.aspx?NewsID=20113&LangID=R> (дата обращения: 20.06.2020).

конфликтов и исследованиями мирного времени или оно уже полностью охвачено концепцией геноцида. В сегодняшних условиях, несмотря на отсутствие международно-правовой базы концепции культурного геноцида, можем ли мы говорить о преступлениях геноцида и культурного геноцида как о разных преступных антигуманных действиях и понятиях, описывающих разные вещи и приемлемых к разным ситуациям? Или же культурный геноцид непременно осуществляется наряду с физическим и биологическим уничтожением группы-жертвы и не представляет собой отдельное преступление?

Мы рассмотрим три разных случая названных преступлений для сравнения их различных аспектов применимости к концепциям геноцида и культурного геноцида, описанных в международных документах. Это геноцид армян, гражданская война в Шри-Ланке и историческая и современная ситуация в Тибете. Три случая охватывают достаточно значимый период времени, представляют собой длительные процессы, имеют разное географическое расположение, представляют различные стадии преступления геноцида и произошли в различных условиях. Мы рассмотрим приведенные примеры как события, которые большинство ученых признают связанными с теми или иными элементами преступления геноцида, но которые отрицаются самими преступниками, и попытаемся понять, какую связь эти преступления имеют с концепцией культурного геноцида и признания его в качестве отдельного преступления.

Культурный компонент геноцида армян

История геноцида армян служит одним из классических примеров геноцидальной политики, которая на сегодняшний день находится на стадии более чем векового отрицания. Геноцид армян осуществлялся во время Первой мировой войны и продолжался по некоторым данным до 1923 г., хотя ученые утверждают, что геноцид имел свою предысторию — период предгеноцида, когда создавались предпосылки и условия, необходимые для перехода к совершению самого преступления [1, с. 24]. Армяне как объект геноцида представляли одновременно национальную, этническую, религиозную и политическую группу. Имевшие место в начале XX в. массовые погромы и депортация армянского населения Османской империи, в результате которых погибли полтора миллиона человек, подтвержденные архивными и дипломатическими документами разных стран, изначально отвергались османскими властями, или же сами власти выступали в качестве обвинителя, оправдывая свои действия необходимостью войны и неподчинением подданных. Параллельно осуществлялся культурный геноцид.

В годы резни и насильственной депортации армянского населения Османской империи младотурецкое правительство целенаправленно осуществляло также уничтожение материальных ценностей и духовного единства посредством разрушения объектов культуры и искусства, через арест и убийство армянской интеллигенции, деятелей науки, литературы и культуры, уничтожение их архивов. Все осуществлялось в соответствии с приказом Талаата-паши, направленным в Комитет по делам высылки в Алеппо, где было сказано: «Настоятельно рекомендуется... всячески стараться уничтожить само название “Армения” в Турции» [2, с. 474]. Все это привело к тому, что десятки тысяч армянских рукописей по истории, филологии, естественным наукам, искусству, рукописи религиозного содержания были сожжены, уничтожены или бесследно исчезли. Один из очевидцев геноцида, арабский юрист Файез Эль-Хусейн, пишет в своих воспоминаниях: «После уничтожения армян... правительство создало специальные комитеты, которые сбывали товары по самым ничтожным ценам, как обычно бывает после смерти владельца, с той лишь разницей, что выручка доставалась не наследникам, а поступала в турецкую казну. Произведения искусства отдавались за бесценок... школы, когда-то наполненные учениками, сейчас пустуют, самые драгоценные книги используются лавочниками для того, чтобы завертывать сыр, хурму, семечки...» [2, с. 403]. Свидетельства, собранные разными учеными, насчитывают от 700 до 22 000 единиц уничтоженных рукописных документов.

Наиболее печальна была судьба армянского духовенства, церковных сооружений и церковной утвари. По некоторым данным, в 1912 г. общее число армянских церквей составляло более 2200, не менее 2150 из них были разграблены, сожжены и разрушены [3, с. 7]. Согласно данным ЮНЕСКО от 1974 г., после 1923 г. из 913 сохранившихся армянских историко-архитектурных памятников 464 полностью уничтожены,

252 лежат в руинах, 197 нуждаются в капитальном восстановлении¹. В годы геноцида были разграблены: большое количество серебряной и золотой церковной утвари, трон армянского царя Сенекерима Арцруни X–XI вв., украшенные драгоценными камнями пергаменты и т. д. [4]

Культурный геноцид в форме уничтожения и разграбления культурных ценностей армянского народа осуществлялся наряду с физическим геноцидом, являлся составной частью разработанной политики. Однако в последующих годах, вплоть до сегодняшних дней, в концепции отрицания турецкими властями геноцида армян можно проследить компоненты культурного геноцида, направленные на искажение исторических фактов через присваивание духовных и культурных достижений армянского народа, а также планомерное уничтожение памятников армянской культуры. Цель культурного геноцида на данном этапе — доказать, что Западная Армения никогда не была исторической родиной армян, для чего последовательно следят за тем, чтобы из турецких карт, справочников и путеводителей стиралось слово «Армения». В противном случае к ответственности привлекаются те, кто случайно или намеренно допустил попадание данного слова в печатное издание.

Например, в 1982 г. турецкий архитектор Н. Болук был привлечен к судебной ответственности за то, что в изданном им путеводителе по Турции ряд районов Восточной Анатолии обозначен как историческая Армения; в 1985 г. к судебной ответственности с обвинением в «антитурецкой пропаганде и намеренном оскорблении чувств турецкого народа» была привлечена издательница турецкого перевода «Британской энциклопедии» Х. Путоглу за ссылку на существование Киликийского Армянского царства; гид немецкой туристической группы Р. Браун был арестован, поскольку напомнил своим соотечественникам, что в Диярбекире некогда была армянская церковь [3, с. 8–7]. Кроме того, ведется борьба против тех иностранных компаний, авторов и издателей, которые на своих страницах говорили о существовании на территории современной Турции армянских государств или же освещали трагические события начала XX в., называя их геноцидом. Их труды запрещаются к продаже, и начинается пропагандистская работа с целью фальсификации исторической действительности.

Составной частью турецкой политики против армянских культурных ценностей являются переименования армянских географических названий, свыше 90% которых уже было переименовано, и преднамеренное игнорирование армянских архитектурных памятников, их использование в качестве мишеней для артиллерийских упражнений, загонов для скота, складов и даже тюрем, их камни служат строительным материалом. Наряду с этим продолжается процесс закрытия или туркизации армянских школ, где запрещалось преподавать историю Армении, изучать литературные произведения на историческую тему, а в 1985 г. были осуждены два армянских учителя за то, что организовали курсы армянского языка для детей-армян [3, с. 10–11]. В п. 6 резолюции Европарламента о политическом решении Армянского вопроса 1987 г. отмечено, что турецкое правительство должно проявлять справедливое отношение к самобытности армянского народа, его языку, религии, культуре и системе образования; Европарламент настоятельно требует должного отношения правительства к охране памятников армянской архитектуры, находящихся на территории современной Турции². Таким образом, вышеприведенное свидетельствует о преднамеренном нападении на культуру армянского народа в рамках геноцидальной политики в начале XX в. и продолжающейся целенаправленной политики разрушения и небрежного отношения к материальным и нематериальным ценностям армянской культуры в последующие годы.

Предшествующие физическому уничтожению аресты и систематическое изгнание лиц, представляющих культуру группы, стали первой стадией культурного геноцида, направленной на слом национального духа, препятствование сопротивлению, которое могли бы возглавлять потенциальные, безосновательно арестованные представители группы. Геноцид сопровождался систематическим уничтожением книг и религиозных произведений, а те, кто пытался их спасти, подвергался жестокому убийству. Наконец, параллельно с физическим геноцидом осуществлялось систематическое уничтожение исторических и религиозных памятников, возможных свидетельств о том, что данный народ жил в определенном

¹ Культурный геноцид [Электронный ресурс]. МИД РА. URL: <https://www.mfa.am/ru/cultural-genocide> (дата обращения: 20.06.2020).

² European Parliament Resolution on a Political Solution to the Armenian Question [Электронный ресурс]. June 18, 1987. URL: https://www.armenian-genocide.org/Affirmation.152/current_category.7/affirmation_detail.html (дата обращения: 20.06.2020).

месте. Последние названные действия, наряду с закрытиями учебных заведений и запретом использования национального языка, продолжают до сих пор, и это можно было бы назвать периодом постгеноцида, так называемым последствием физического геноцида, когда осуществляется культурный геноцид посредством разрушения, присваивания и использования в чуждых их назначению объектов культуры группы-жертвы с целью стереть доказательства существования группы в данном определенном месте и тем более их преднамеренного уничтожения.

Данным случаем мы хотели показать, что преступление культурного геноцида осуществлялось параллельно с физическим и биологическим геноцидом, рассматривать его в качестве отдельного преступления в данном случае представляется спорным вопросом, поскольку это неразрывно связано с убийствами представителей данной группы, проходило одновременно с ними, а в постгеноциде осуществлялось, чтобы скрыть эти самые убийства (по крайней мере, как намеренные).

Культурный компонент в гражданской войне в Шри-Ланке

Как известно, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка является небольшим островным государством у южно-восточного побережья Индии с более чем двадцатимиллионным населением. Значительное этническое и религиозное разнообразие Шри-Ланки лежит в основе его социальной и политической истории, но основными этнолингвистическими культурами являются сингалы и тамилы. Следует отметить, что до того, как британская колония представила идею единого государства и объединила две общины, сингалы и тамилы жили исключительно на своих традиционных землях, с которыми обе этнические группы тесно себя связывали как отдельные нации, имеющие различное национальное самосознание [13].

Первоначально этническая напряженность, которая стала неотъемлемой частью общества Шри-Ланки на протяжении всего двадцатого века и фактически вылилась в геноцид, была связана с противоречиями между этими национальными группами. Сингальская националистическая идеология определяла тамилы как исторических угнетателей и врагов сингальской нации. Такая идеология начала формироваться в колониальный период, и такой поляризованный взгляд на сингало-тамилские отношения стал частью национальной памяти Шри-Ланки. На практике же они начали реализовываться в период после обретения государством независимости в 1948 г. [10, с. 28].

За два года до независимости сингальская и тамильская политические элиты пришли к согласию о конституционном урегулировании независимости, однако конституция, представленная британцами, оказалась спорной, поскольку не включала в себя хоть какие-либо законы касаясь избирательных прав, прав гражданства и общин. Подобные недостатки конституции позволили сингальским политическим элитам (Объединенная национальная партия) взять политическую власть в свои руки и направить ее против индийских тамилы [13].

После обретения независимости в 1948 г. произошел всплеск сингальского национализма, в результате которого были приняты Законы о гражданстве 1948 и 1949 гг., лишившие гражданства и избирательных прав почти один миллион индийских тамилы, несмотря на то, что они проживали на острове более шести поколений¹.

Геноцидальные действия, направленные против этнической группы тамилы, можно проследить в начальный период и на протяжении политической борьбы и гражданской войны за восстановление прав, проводимых тамилы. Целесообразно выделить следующие этапы: фаза предвоенной борьбы (1956–1983 гг.); этап вооруженной борьбы (1983–2005 гг.); этап окончания войны (2006–2009 гг.); этап послевооруженной борьбы (после 2009 г.)². Мы будем акцентировать внимание на фазе предвоенной борьбы как периоде культурного геноцида и физического предгеноцида, сигнализирующих о возможном насилии в отношении определенной национальной группы.

¹ The Long Shadow of War: The Struggle for Justice in Postwar Sri Lanka — Report [Электронный ресурс]. Oakland Institute. 1 Jun 2015. URL: <https://www.transcend.org/tms/2015/06/the-long-shadow-of-war-the-struggle-for-justice-in-postwar-sri-lanka-report/> (дата обращения: 21.06.2020).

² Genocide against the Tamil People. Massacres, Pogroms, Destruction of Property, Sexual Violence and Assassinations of Civil Society Leaders [Электронный ресурс]. International Human Rights Association Bremen. URL: <http://www.ptsrilanka.org/pogroms-and-massacres/> (дата обращения: 21.06.2020).

Изначально напряженность в обществе была связана с языковой политикой правительства и доступом к государственной службе. В 1956 г. был принят Закон о единственном сингальском языке, который заменил три предыдущих официальных языка: сингальский, тамильский и английский. Это означало, что сингальский язык стал единственным языком, с которым граждане могли общаться с государством. Тамилы столкнулись с последствиями данного закона при найме на работу, а те, кто занимал государственные должности, работал в службе безопасности, должны были знать сингальский язык на высоком уровне или быть уволены [13].

Госслужба не была единственной областью, где тамилы оказались обездоленными, они активно подвергались дискриминации также в области образования. В британскую колониальную эпоху тамилы удерживали государственные должности за счет владения английским языком, что, в свою очередь, стало средством социальной мобильности и экономического роста. Однако в период после обретения независимости правительство отдавало предпочтение сингальцам, что отразилось в законодательстве в 1971 г., когда закон стал помогать студентам, находящимся в невыгодном географическом положении (районные квоты), в доступе к высшему образованию, позволяя им поступать в университеты с более низкими квалификационными оценками, чем у тамильских студентов, которым, в свою очередь, не было гарантировано место в университетах [13]. Более того, реализация этих законов оказалась частью более широкой программы сделать население государства полностью сингальским, и в 1978 г. была принята новая конституция, которая отдавала буддизму (вероисповедание сингальцев) первостепенное место среди других религий в стране, отмечая, что государство должно защищать и развивать буддизм [13].

Законы стали символом сингальского национализма и укрепили в умах тамилы веру, что нельзя довериться руководству сингальского общества в деле защиты прав меньшинств. Они начали заявлять, что законодательство ставит под угрозу их язык, культуру и экономическое положение. Вместе с тем, понимая, что закон угрожает национально-этнической самобытности тамилы, многие были против, чтобы их дети изучали сингальский язык. Наряду с проявлениями чувства патриотизма, отвергнув попытки ассимиляции и дискриминации, у тамилы появлялись идеи и солидарность в отношении создания отдельного государства. После таких изменений действующие тамильские политические лидеры утратили легитимность, а напряженность в обществе в итоге переросла в полномасштабное насилие в 1970-х гг., которое сопровождалось требованиями тамилы об автономии и территориальных правах. В результате начали появляться боевые движения, такие как «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ).

Непоправимый ущерб культурному наследию тамильского народа был нанесен 1 июня 1981 г., когда сингальские толпы и полиция сожгли публичную библиотеку Джафны, в которой содержались более 97 тыс. томов книг и рукописей, посвященных культуре тамилы и которая представляла собой в то время одну из крупнейших библиотек в Азии [13]. Хотя приведенные примеры правительственной политики в области национального языка, образования и религии больше похожи на целенаправленную ассимиляционную политику, но случай уничтожения книг и рукописей квалифицируется как акт против культуры группы, способный свидетельствовать о геноцидальном намерении.

Антитамильские погромы и бунты 1983 г., известные как «Черный июль», последовали за погромами 1958, 1977 и 1981 гг.¹, и в результате дискриминации и насилия возросло тамильское сепаратистское движение и число группировок боевиков, которые возглавило ТОТИ. В 1983 г. страна погрузилась в кровопролитную гражданскую войну, которая завершилась только в 2009 г., когда правительственная армия захватила последнюю, контролируемую ТОТИ территорию в Северной провинции². Война оставила за собой непоправимый ущерб в виде более 40 тыс. жертв среди гражданского населения как представителей этнической группы, отличающейся своей культурой.

Несмотря на то, что предпринятые правительством меры в отношении языковой, образовательной и религиозной политики носили больше характер ограничений, чем являлись элементами концепции

¹ Genocide against the Tamil People [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ptsrilanka.org/pogroms-and-massacres/> (дата обращения: 16.04.2020).

² The Long Shadow of War: The Struggle for Justice in Postwar Sri Lanka — Report [Электронный ресурс]. Oakland Institute, 1 Jun 2015. URL: <https://www.transcend.org/tms/2015/06/the-long-shadow-of-war-the-struggle-for-justice-in-postwar-sri-lanka-report/> (дата обращения: 22.06.2020).

культурного геноцида, поскольку язык и религия правящей нации, в соответствии с законом, приобретали привилегированное положение, а не вводился запрет на использование определенного языка и исповедание определенной религии, но изложенные меры стали теми культурными мотивами, которые, столкнувшись с сопротивлением, превратили дискриминационную политику в политику насилия и геноцида (в котором в конечном счете правительство было обвинено¹). Данный случай показывает, что культурные ограничения и посягательства на культуру группы, которые также не рассматриваются в качестве отдельных преступлений, а являются составной частью объемной программы по нейтрализации этнической группы, могли сигнализировать о предстоящем насилии, физическом геноциде и военных преступлениях.

Культурный геноцид в Тибете

Общеизвестно, что тибетский народ в течение тысячелетий развил своеобразную цивилизацию, для которой характерны собственный язык, духовные традиции и обычаи, искусство и литература. Кроме того, буддизм является неотъемлемой частью тибетской идентичности, об уникальности которой тибетцы постоянно заявляют, идентифицируя себя как коренных жителей. В течение долгих лет Тибет имел нестабильные отношения с Китаем, однако последние десятилетия отмечались большим числом нарушений прав человека и посягательств на тибетскую культуру.

После вторжения в Тибет Народно-освободительной армии Китая в 1949 г. и последующих антикитайских восстаний, в рамках Культурной революции, инициированной лидером Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуном, было принято решение покончить с «четырьмя пережитками» (старая культура, мышление, привычки, обычаи) [12, с. 184–185], что имело разрушительное последствие для тибетской культурной самобытности. Политика Китая в отношении Тибета базируется на комбинации китайского шовинизма и марксистской диалектики, что просто противоречит тибетской культуре и самобытности, целью которой является ассимиляция тибетцев для обеспечения контроля Пекином и потока материальных выгод в компартию [14, с. 38].

Обратимся к преступным действиям, образующим культурный геноцид. Во время политических демонстраций в 1956 г. публично были сожжены священные буддистские тексты, разрушены религиозные и исторические памятники, монастыри [12, с. 185–186]. Исследователи отмечают, что с 1956 г. китайские правители уничтожили основы тибетской цивилизации, напав на религию и аристократический общественный порядок [5, с. 30]. После смерти Мао жесткая политика в отношении религии сравнительно ослабла, однако проводилась практика умаления важности монастырских учреждений и той роли, которую они играют в тибетском обществе, пытаясь подорвать образовательный компонент этих учреждений через контроль над их учебными планами и введение немонастырских школ. Кроме того, в дополнение к последним представленным мерам появились определенные критерии к назначению учителей, такие как поддержка компартии и ее идеологии и патриотичность по отношению к Китаю [12, с. 186].

На таком же уровне находится тибетский язык, слабое использование которого может повлиять на сохранение религии и истории, а в государственной службе в Тибете, хотя официальным являет тибетский язык, поощряется использование китайского языка. Были проведены также демографические реформы — перераспределение земель, приобретенных вследствие разрушенных монастырей, в результате создания новых социальных деревень недобровольно было переселено более 2 млн тибетцев. Это имело существенные негативные последствия, так как кочевничество и скотоводство для тибетцев — это не просто способ поддержания средств к существованию, но на протяжении веков являлось важнейшим элементом тибетской культуры [12, с. 187].

Еще одним примером является взятие китайским правительством под стражу шестилетнего ребенка по имени Гадун Чоки Нима, который согласно тибетской буддистской традиции был определен и назначен в качестве 11-го панчен-ламы (ранг после далай-ламы, за определение которого он частично

¹ A Decade Without Justice for Sri Lanka's Tamils [Электронный ресурс]. The Diplomat, May 17, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/a-decade-without-justice-for-sri-lankas-tamils/> (дата обращения: 22.06.2020).

ответственен)¹. Несомненно, такое вмешательство является грубым нарушением права тибетского народа на свободное исповедание своей религии.

Все это, наряду с пропагандой ненависти и расовой и этнической дискриминации, привело к протестам в виде самоожжений² и обвинениям в культурном геноциде. В связи с этим далай-лама отметил: «Ситуация такая, что, будь то намеренно или ненамеренно, в Тибете происходит нечто вроде культурного геноцида. И если потеря независимости приемлема, то потеря культуры, согласие с уничтожением нашей духовности, тибетского буддизма немыслимо»³. Следует подчеркнуть, что доказательствами преступной практики китайского правительства в отношении тибетского народа служат отклики на ситуацию международного сообщества.

Так, еще в 1959 г. ГА ООН приняла резолюцию, в которой содержится призыв к Китаю обеспечить «уважение основных прав человека тибетского народа и его особой культурной и религиозной жизни» [5, с. 31]. В резолюции ГА 1961 г. ООН призвала Китай прекратить «практику, которая лишает тибетский народ его основных прав, включая право на самоопределение» [5, с. 31]. Также в 1965 г. ГА ООН приняла третью резолюцию, в которой выражала серьезную обеспокоенность «продолжающимся нарушением основных прав и свобод народа Тибета и продолжающимся подавлением его особой культурной и религиозной жизни» [12, с. 186]. Далее в 1991 г. Подкомиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите прав меньшинств приняла резолюцию, в которой выражала обеспокоенность «постоянными сообщениями о нарушениях основных прав и свобод человека, которые угрожают особой культурной, религиозной и национальной самобытности тибетского народа» [12, с. 186].

По мнению далай-ламы, власти Китая видят в культуре и религии Тибета угрозу восстания и отделения, поэтому проводят политику на его подавление, что выражается не только в действиях против тибетского языка и религии (наглядным примером является разрушение около 6 тыс. монастырей или их использование в отличных от религиозных целей), но и в миграционном процессе — переселении большого числа китайцев в Тибет и строгом планировании семьи. Такие меры могут быть направлены на затруднение восстания, распространение китайской пропаганды, создание тибетского меньшинства на их территории и в конечном счете на то, чтобы добиться исчезновения тибетской культуры. Кроме того, в рамках общеизвестных программ интернет-цензуры в Китае фильтруются запросы и данные о тибетской культуре, что можно рассмотреть в качестве нового нетрадиционного аспекта культурного геноцида.

Сегодня, после десятилетий неуважения по отношению к тибетской религии, культуре, образу жизни, то, что случилось и что продолжает иметь место, не должно рассматриваться как простой результат естественных изменений времени, властных и общественных отношений. Данный случай показывает, что целенаправленная политика насильственной ассимиляции носит однозначные элементы культурного геноцида с восприятием группы-жертвы в качестве опасной и взятием ее под контроль через разрыв связей с самобытной культурой. Подобная ситуация показывает, что культурный геноцид представляет собой длительный процесс разрушения культуры группы-жертвы, которое проявляется различными способами, включая физическое разрушение культурных ценностей, массовую колонизацию, семейное планирование и использование современных технологий, и которое может сигнализировать о будущем физическом насилии, но на сегодняшний день представляется как отдельное преступление.

Заключение

Культурный геноцид — это систематическое разрушение наследия и определенных культурных особенностей группы-жертвы. В более общем плане культурный геноцид является неотъемлемым компонентом физического уничтожения группы. Нами были выбраны три случая, которые связаны между

¹ International Campaign for Tibet, “Cultural Genocide and the 11th Panchen Lama” [Электронный ресурс]. June 4, 2013. URL: <https://www.savetibet.org/cultural-genocide-and-the-11th-panchen-lama/> (дата обращения: 22.06.2020).

² Self-immolation protest [Электронный ресурс]. URL: <https://www.freetibet.org/about/self-immolation-protests> (дата обращения: 22.06.2020).

³ David Eimer. Dalai Lama Condemns China’s ‘Cultural Genocide’ of Tibet [Электронный ресурс]. The Telegraph. March 16, 2008. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1581875/Dalai-Lama-condemns-Chinas-cultural-genocide-of-Tibet.html> (дата обращения: 22.06.2020).

собой возможностью по тем или иным критериям вписаться в концепцию культурного геноцида. Первый случай представляет собой культурное разрушение группы во время мирового конфликта, в то время как второй случай является действием авторитарного правительства во время внутреннего конфликта. В третьем случае рассматриваются действия тоталитарного правительства, враждующего с меньшинством в течение длительного периода времени. Это разнообразие показывает, что действия преступных правительств связаны с их враждебным отношением к группе-жертве, и в их контексте внешнее вмешательство или подстрекательства не имеют места.

Кроме того, случаи были отобраны так, чтобы иметь возможность очертить границы между преступлением геноцида и культурным геноцидом и рассмотреть вопрос о значении концепции культурного геноцида и ее собственного места в исследованиях геноцидалогии. В результате мы выявили, что, например, в случае с культурным компонентом геноцида армян культурный геноцид осуществлялся во время и после физического уничтожения представителей группы-жертвы и что он является неотъемлемым элементом политики отрицания. В гражданской войне в Шри-Ланке, как было выявлено, культурный геноцид стал сигналом о будущем геноциде. И наконец, случай культурного геноцида тибетцев показал возможность рассмотрения культурного геноцида в качестве отдельного преступления, осуществленного при этом в мирное время.

Таким образом, можно констатировать, что преступление культурного геноцида не связано с временными рамками осуществления физического и биологического геноцида, которые, по сути, являются объективной стороной преступления геноцида, определенного в конвенции. Культурный геноцид может представлять собой фазы предгеноцида или постгеноцида или же являться преступлением с дифференциальным от физического и биологического геноцида значением. В любом случае это правонарушения, которые требуют внимания международного сообщества, указывают на необходимость их нейтрализации в соответствии с системой предупреждения преступления геноцида. Все три случая представляют собой не только и не столько исторические события, но органично связаны с сегодняшней динамикой исследований геноцидалогии, мирных и конфликтных положений. Все это показывает, что культурный геноцид является далеко не новым компонентом преступления геноцида, а составной частью геноцидальной политики, в некоторых случаях выступает в качестве отдельного преступления, в некоторых — в качестве формы преступления геноцида.

Литература

1. Барсегов Ю. Г. Геноцид армян — преступление по международному праву / Ю. Г. Барсегов. М., 2000. 272 с.
2. Геноцид армян в османской империи: Сборник документов и материалов / под ред. М. Г. Нерсисяна. 2-е, доп. изд. Ереван : Айастан, 1983. 704 с.
3. Հովհաննիսյան, Ա. Թուրքիա. մշակութային ցեղասպանություն, ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ, Երևան, 2005թ. (Оганесян А. Р. Турция: культурный геноцид. Ереван, НАА РА, 2005 [на арм., рус., англ. яз.]).
4. Քեշիշյան, Մ. Հայկական մշակութային եղեռնը Օսմանյան Թուրքիայի տարածքում. Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր, № 7. 2003. էջ 124–131. (Кешишян М. Геноцид армянских культурных ценностей на территории Османской империи. Вопросы истории и историографии Геноцида армян, № 7. 2003. С. 124–131. [на арм. яз.]).
5. Cultural Genocide in Tibet. A Report. Department of Information and International Relations of the Central Tibet Administration. 2017.
6. Frieze D. L. Genos — the Human Group: How the Concept of “Culture” Underscores Raphael Lemkin’s Notion of “Genocide” / D. L. Frieze // The Crime of Genocide: Prevention, Condemnation and Elimination of Consequences, Proceedings of International Conference (Yerevan). 2011. Pp. 164–171.
7. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / R. Lemkin. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.

8. *Lemkin R. Genocide — a Modern Crime / R. Lemkin // Free World [Электронный ресурс].* Vol. 4, 1945. Pp. 39–43. URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/freeworld1945.htm> (дата обращения: 15.03.2020).
9. *Lemkin R. Les Actes Constituant un Danger General (interétatique) Considerés Comme Delits du Droit des Gens / R. Lemkin // Actes de la Vème Conférence Internationale Pour l' Unification du Droit Pénal (Madrid) [Электронный ресурс].* Octobre, 1933. Pp. 48–56. URL: <http://www.preventgenocide.org/fr/lemkin/madrid1933.htm> (дата обращения: 15.03.2020).
10. *Powell Ch., Amarasingam A. Atrocity and Proto-Genocide in Sri Lanka / Ch. Powell, A. Amarasingam // Understanding Atrocities: Remembering, Representing, and Teaching Genocide.* February, 2017. Pp. 19–47.
11. *Schabas W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes / W. A. Schabas.* Cambridge University Press. 2000. 644 p.
12. *Sandhar J. K. Cultural Genocide in Tibet: The Failure of Article 8 of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples in Protecting the Cultural Rights of Tibetans Santander Art and Culture / J. K. Sandhar // Law Review.* 2015. Pp. 175–198.
13. *Satgunarajah M. "Never Again": The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide / M. Satgunarajah // University of Windsor. Electronic Theses and Dissertations [Электронный ресурс].* 2016. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (дата обращения: 15.03.2020).
14. 60 Years of Chinese Misrule: Arguing Cultural Genocide in Tibet, report by the International Campaign for Tibet. 2012.

Об авторе:

Бабаян Мери Эриковна, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); m.babayanx@gmail.com

Referencis

1. Barsegov Yu. G. Genotsid armyan — prestuplenie po mezhdunarodnomu pravu / Yu. G. Barsegov. M., 2000. 272 s.
2. Genotsid armyan v osmanskoj imperii: sbornik dokumentov i materialov / pod red. M. G. Nersisjana. 2-e, dop. izd. Erevan : Aiastan, 1983. 704 s.
3. Հովհաննիսյան, Ա. Թուրքիա. մշակութային ցեղասպանություն, ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ, Երևան, 2005թ. (Oganesyana A. R. Turtsiya: kul'turnyi genotsid. Erevan, NAA RA, 2005 [na arm., rus., angl. yaz.]).
4. Քեշիշյան, Մ. Հայկական մշակութային եղեռնը Օսմանյան Թուրքիայի տարածքում. Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր, № 7. 2003. էջ 124–131. (Keshishyan M. Genotsid armyanskikh kul'turnykh tsennostei na territorii Osmanskoi imperii. Voprosy istorii i istoriografii Genotsida armyan, № 7. 2003. S. 124–131. [na arm. yaz.]).
5. Cultural Genocide in Tibet. A Report. Department of Information and International Relations of the Central Tibet Administration. 2017.
6. Frieze D. L. Genos — the Human Group: How the Concept of “Culture” Underscores Raphael Lemkin’s Notion of “Genocide” / D. L. Frieze // The Crime of Genocide: Prevention, Condemnation and Elimination of Consequences, Proceedings of International Conference (Yerevan). 2011. Pp. 164–171.
7. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / R. Lemkin. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.
8. Lemkin R. Genocide — A Modern Crime / R. Lemkin // Free World [Elektronnyi resurs]. Vol. 4, 1945. Pp. 39–43. URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/freeworld1945.htm> (data obrashcheniya: 15.03.2020).

9. Lemkin R. Les Actes Constituant un Danger General (interétatique) Considerés Comme Delits du Droit des Gens / R. Lemkin // Actes de la Vème Conférence Internationale Pour l' Unification du Droit Pénal (Madrid) [Elektronnyi resurs]. Octobre, 1933. Pp. 48–56. URL: <http://www.preventgenocide.org/fr/lemkin/madrid1933.htm> (data obrashcheniya: 15.03.2020).
10. Powell Ch., Amarasingam A. Atrocity and Proto-Genocide in Sri Lanka / Ch. Powell, A. Amarasingam // Understanding Atrocities: Remembering, Representing, and Teaching Genocide. February, 2017. Pp. 19–47.
11. Schabas W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes / W. A. Schabas. Cambridge University Press. 2000. 644 p.
12. Sandhar J. K. Cultural Genocide in Tibet: The Failure of Article 8 of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples in Protecting the Cultural Rights of Tibetans Santander Art and Culture / J. K. Sandhar // Law Review. 2015. Pp. 175–198.
13. Satgunarajah M. “Never Again”: The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide / M. Satgunarajah // University of Windsor. Electronic Theses and Dissertations [Elektronnyi resurs]. 2016. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (data obrashcheniya: 15.03.2020).
14. 60 Years of Chinese Misrule: Arguing Cultural Genocide in Tibet, report by the International Campaign for Tibet. 2012.

About the author:

Mary E. Babayan, Master Student, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
m.babayan@gmail.com